

БЫЛ ЛИ ГРОЗНЫЙ ПИСАТЕЛЕМ?

Наиболее интересный материал для суждения о личности царя Ивана дает его переписка с князем Курбским. Однако недавно профессор Э. Кинан из Гарвардского университета (США) пришел к заключению, что Иван IV никогда не был писателем, а приписанные ему сочинения были написаны через полвека после смерти Грозного совсем другим лицом — князем Семеном Шаховским. Вывод имел принципиальное значение. Признание подложности первого письма Курбскому с неизбежностью должно было повлечь признание подложности всей их переписки, а в конечном счете и других сочинений этих лиц. Посредственный, но плодовитый писатель Семен Шаховской происходил из рода ярославских князей, к нему принадлежал и Курбский. Он затеял мистификацию, цели которой остались неясными, поскольку центральное место в письмах занимали страстные обличения измены Курбского. Открытие Э. Кинана вызвало бурю в ученом мире. Будь он

прав, пришлось бы заново переписать историю России XVI в. Многие изменилось бы и в традиционной оценке личности Грозного.

Американский ученый был воодушевлен своим открытием и с нетерпением ждал реакции коллег. Я имел возможность ознакомиться с корректурой монографии, переданной мне учеником профессора. Чтение захватило меня. Стройная аргументация казалась вполне убедительной. Прочитав книгу, я отложил все ученые дела и в течение лета старательно проверял доводы Кинана, искал в архивах ответ на возникшие вскоре сомнения.

Э. Кинан обнаружил текстуальное сходство в первом послании Курбского и в сочинениях монаха Исайи. Это открытие стало главным в системе доказательств подложности переписки Грозного и Курбского. Не случайно вопрос о текстологических связях «Исайя — Курбский» превратился в центральный вопрос мировой дискуссии.

История Курбского и Исайи такова. Православный литовский монах Исайя, родом из Каменец-Подольска, приехал на Русь из Литвы летом 1561 г. По его собственным словам, цель его поездки сводилась к тому, чтобы заполучить в Москве некоторые переводы церковных книг. Исайя приехал на Русь одновременно с греческим митрополитом Иосафом, посланцем константинопольского патриарха к царю. Грек будто бы и стал виновником злоключений литовского монаха. По его доносу московские власти арестовали Исайю и заточили в тюрьму сначала в Вологде, а потом в Ростове.

В тюрьме Исайя написал несколько посланий, одно из них — «Плач» — точно датировано 1566 г. Э. Кинан обратил внимание на совпадение одной фразы в «Плаче» Исайи и первом послании Курбского царю и сделал вывод о том, что первое из сочинений явно повлияло на второе. Аналогичное влияние на послание Курбского (согласно гипотезе Э. Кинана) оказало другое письмо Исайи («Жалоба»), которое не имеет даты, но, по Кинану, может быть отнесено к тому же 1566 г. Андрей Курбский определенно написал свое первое письмо к царю в 1564 г.

Поскольку он не мог заимствовать текст из писем, написанных два года спустя, значит (делает вывод Э. Кинан), «письмо Курбского» было написано кем-то другим.

Отмеченные американским исследователем совпадения весьма различны по своему объему, характеру и происхождению. В текстах посланий Курбского и «Плача» Исайи все сходство исчерпывается одной неполной фразой, которая не включает в себе никакой серьезной биографической информации. Совпадение исчерпывается сравнительно небольшой богословской цитатой. Оба писателя обращаются к трафаретному образу справедливого Бога, воздающего мзду даже за чашу студеной воды. Опосредованно этот образ восходит к евангельскому тексту Матфея: «...аще напоит... сих чашею студены воды... не погубит мзды своея» (Матф. X, 42). В соответствии с литературными канонами своего времени не только духовные, но и светские писатели обильно оснащали свои писания ходячими богословскими цитатами и стихами, которые они знали наизусть и постоянно держали на кончике пера. Образованные люди Средневековья могли цитировать приличные случаю тексты большими отрывками. Почему же тогда Исайя и Курбский не могли процитировать по памяти три неполные строки? Курбский, будучи на свободе, имел возможность сверять цитаты по книгам. Исайя сочинил свое произведение при иных обстоятельствах. Он, по его собственным словам, написал «Плач» в ростовской тюрьме. Скорее всего узник воспроизвел цитату о Христе-мздовоздателе по памяти.

Сходство неполной фразы о Боге-мздовоздателе в «Плаче» Исайи и «Послании» Курбского царю носило скорее всего случайный характер и объяснялось тем, что оба писателя были православными начетчиками.

Совершенно иной характер носят совпадения в тексте «Послания» Курбского и «Жалобы» Исайи. Наличие комбинации из пяти фраз и фрагментов, а равно наличие важной биографической информации в сходных местах исключают случайное совпадение. Один из писателей явно заимствовал текст у другого.

Э. Кинан полагает, что Исайя написал «Жалобу» в 1566 г. Анализ переписки Исайи обнаруживает ошибочность такой датировки.

Письма Исайи (пять текстов) отложились в рукописном сборнике, который хранится в Государственной Публичной библиотеке в Петербурге. Названные тексты располагаются в сборнике в следующем порядке: 1) «Послание» (1567); 2) «Плач» (1566); 3) «Жалоба»; 4) «Объяснение»; 5) «Предсказание».

По словам Э. Кинана, все пять названных текстов являются отдельными произведениями, написанными в разное время, различными стилями и для различных целей.

Но это не так. Три последних отрывка — «Жалоба», «Объяснение» и «Предсказание» — являются частями одного и того же письма. Они объединены одной темой. Эта тема — поездка Исайи в Московию, приведшая его в тюрьму. В «Жалобе» Исайя объяснял причины своей опалы в Московской земле. В «Объяснении» доказывал, будто он поехал на Русь за церковными книгами и его поездка имела благочестивые цели. В «Предсказании» монах утверждал, что еще в Вильнюсе ему предсказали беды, случившиеся с ним в Москве. Три фрагмента написаны как бы по единому летописному плану. Первый из них начинается словами: «От Рождества Христова 1561 августа 1». Второй фрагмент просто не мог быть написан отдельно от первого, поскольку в начале его значится: «Того же року (года) 1561». Из всех трех текстов лишь первый имеет заголовок и лишь последний — концовку «Аминь!».

Итак, три текста, не разделенные в рукописи, составляют единое послание «мниха Исайи». При каких же обстоятельствах оно было составлено?

Миссия Исайи в Москву преследовала культурные цели. Примерно за год до его поездки православные магнаты Волович и Гарабурда пытались заполучить у московского дьяка И. Висковатого «Евангельские беседы» Иоанна Златоуста в переводе Максима Грека. Дьяк пообещал книгу, но предупредил, что для списания книги потребуется много времени. В июле

1560 г. Исаяя стал готовиться к поездке в Москву. Литовские власти включили в состав его миссии «многоученного хлопца», умудренного в грамматике, который и должен был списать книгу в Москве. Но уже в июле 1560 г. некий философ предсказал Исаяе печальный исход его миссии (текст «Предсказание»).

За историей текстов скрывается история людей. На основании переписки Исаяи можно заключить, что ему предъявили очень серьезные обвинения. Причины тридцатилетнего пленения Исаяи были таковы, что он предпочел уклониться от любых объяснений по существу дела. Узник получил надежду на освобождение в конце Ливонской войны. В марте 1584 г. он был призван во дворец, и Грозный беседовал со своим пленником в присутствии Боярской думы. По утверждению Исаяи, его освобождению помешали тогда война и смерть царя. Но его слова далеки от правды. Исаяя был вызван к царю, когда русско-польская война закончилась и литовско-польские представители явились в Москву с требованием об освобождении всех пленных. Грозный прожил два года после заключения мира. Но Исаяя так и не был освобожден. Неизвестно, принимало ли литовское правительство какие-либо меры к вызволению Исаяи до смерти Грозного. Однако едва царь умер, как литовцы предприняли энергичный демарш в Москве. В июне 1584 г. литовский посол Лев Сапега обратился к Боярской думе с особым ходатайством об Исаяе и получил заверения, что ответ будет дан ему позже. 1 июля того же года посол возобновил свое ходатайство, но и на этот раз ничего не добился. Запоздалая забота литовского правительства о своем подданном так и не принесла успеха.

Литовское правительство приступило к подготовке миссии Исаяи в то время, когда влиятельные силы в Москве и Вильне пытались предотвратить столкновение двух государств. К лету 1561 г. стало очевидно, что эти попытки потерпели полную неудачу. Литовская армия перешла русскую границу и после пятидневной осады захватила один из замков в русской Ливонии. В обстановке начавшейся большой войны из-

за Ливонии миссия Исаяи утратила какие бы то ни было шансы на успех. Тем не менее литовское правительство снабдило Исаяю богатыми подарками для Грозного, многими купеческими товарами и переправило его через границу в свите греческого митрополита, направлявшегося из Константинополя в Москву. В обстановке войны Исаяю должны были завернуть обратно в Литву из первой же русской пограничной крепости. Но дьякон объявил, что вышел «на государское имя» и везет почтенные дары (злато, бисер, дорогие камни) царю Ивану, и, чтобы окончательно завоевать доверие москвитов, подал донос на грека митрополита. Исаяя прибыл в русскую столицу в тревожное время.

15 января 1562 г. в Москве был арестован боярин князь Иван Бельский, избалованный в изменнических связях с литовским правительством. По времени арест литовского подданного Исаяи в Москве довольно точно совпал с раскрытием измены Бельского. Ранее июля 1562 г. монаха доставили в далекую Вологду, к месту наказания. Возможно, совпадение не было случайным.

Миссия Исаяи была задумана как культурно-торговое предприятие. Но она была загублена в обстановке противоборства и войны. В феврале 1561 г. последний дипломатический агент литовского правительства покинул Москву. Спустя несколько месяцев граница окончательно закрылась из-за военных действий. Все это затруднило литовскому правительству сношения с боярской оппозицией в Москве, ввиду чего оно, по всей вероятности, и решило использовать Исаяю для продолжения интриги. Примечательно, что Исаяю снарядили на Русь литовские сановники Ефстафий Волович и Григорий Ходкевич. Первый из них участвовал спустя год-два в тайных переговорах с Курбским. Переговоры завершились бегством боярина в Литву. Ходкевич несколько лет спустя пытался вторично завязать сношения с Бельским. Жестокое наказание Исаяи в Москве явилось, по-видимому, следствием его причастности к тайным интригам литовского правительства против царя.

Официальные литовские власти не осмелились открыто заступиться за своего подданного. Но они пытались завязать тайные сношения с ним после его заточения в вологодскую тюрьму.

В упомянутом выше рукописном сборнике вслед за тремя текстами Исайи (№ 3, 4, 5) помещен «Лист», адресованный Исае.

Автор «Листа» пожелал остаться неизвестным. Во всяком случае, он знал Исайю и рассчитывал на его доверие. Видимо, это был иноземец. «Лист» заканчивается словами: «Писано року 1562 юлия в земли Московской на Вологду». Московский человек едва ли мог сказать: «Писано в земли Московской», и он иначе датировал бы письмо: на Руси вели счет от сотворения мира, а не от Рождества Христова.

Автор «Листа» был соотечественником Исайи. В ответе «брату» Исайя выставляет себя литовским патриотом и верным подданным короля. Далекую родину он называет не иначе как «Новым Израилем», «нашим великим государством Литовским», столицу Вильну — «преславным и прекраснейшим местом». Стиль Исайи становится возвышенным, когда он пишет о короле: «...в наше преславнейшее и превысочайшее государство Литовское в державу нашего преславного и великого христианского государя милостивого краля Сигизмунда Августа». Очевидно, Исайя мог писать так лишь земляку-литовцу.

Автор «Листа» сообщил Исае, что его посетит некий «брат»: «И ты, Бога ради, во всяких словесах (в вопросах и ответах) прими его яко мою душу... А яж о нас вся ти скажет». Ради сохранения секретности покровители Исайи поручили своему посланцу объясниться с ним устно.

«Лист» неизвестного к Исае имеет исключительно важное значение с точки зрения датировки «Послания» Исайи, включающего текст «Жалобы». Обратим внимание на следующее текстуальное совпадение в «Листе» и в «Послании»:

«Лист» (1562)

«Иже словеси ради истинного во юзах страждущему мниху Исае».

«Послание Исайи» (без даты)

«Днесь аз в темнице, и слова ради истинного Христова во юзах яко злодеи зле стражу».

Можно ли предположить, что неизвестный литовский автор и его адресат Исайя написали отмеченную фразу независимо друг от друга? Такое предположение следует признать невероятным. Близкие фразы не были трафаретной богословской цитатой. Они заключали в себе исключительно важную биографическую информацию.

Составитель «Листа» подсказывал Исайе единственную возможную для него линию защиты. Он обращался не к лазутчику и шпиону, а к борцу за православную веру, незаконно посаженному в тюрьму. В этом тезисе заключалась единственная возможность выволить Исайю из тюрьмы, а также оградить от преследований «брата» в случае, если он попадет (вместе с «Листом») в руки московских властей.

Обращение литовских покровителей звучало как своего рода пароль. Исайя повторил этот пароль в первых строках ответного письма. Линия защиты проведена через все части письма Исайи: в «Жалобе» он сообщает, что попал в московскую тюрьму по доносу грека Иоасафа (на самом деле грек стал жертвой доноса Исайи); во второй части («Объяснении») монах клянется, что поехал в Москву с благочестивыми целями — за православными книгами.

Самым существенным является то, что «Лист» неизвестного имеет точную дату — июль 1562 года. На границах шла кровопролитная война. Исайя не мог медлить с ответом. Он должен был написать ответное послание сразу после получения «Листа», датированного 1562 г. Если бы прибывший в Вологду лазутчик уехал с пустыми руками, Исайя лишился бы возможности передать ответ своим литовским покровителям.

Исайя принадлежал к тому же кругу ревнителей православия в Литве, к которому принадлежали и русские эмигранты Тетерин, Сарыхозин, позже Курбский. Литовские власти использовали услуги этих лиц для тайных сношений со своими сторонниками в России. Понятно, что письмо Исайи должно

было попасть в их руки, после чего с ним познакомился Курбский.

Итак, парадокс Курбского получает простейшее объяснение. Исая получил «Лист» в 1562 г. и тотчас же ответил на обращение своих литовских покровителей. Курбский сделал заимствования из письма Исая в 1564 г.

Спор о переписке Грозного продолжался несколько лет. В ходе дискуссии были опубликованы три монографии и множество статей. Их авторами были ученые самых различных школ и направлений. В конце концов гипотеза Э. Кинана была отвергнута мировой наукой. Спор завершен. Подлинность сочинений Грозного и Курбского не вызывает более сомнений.

Грозный обладал качествами, редкими для людей его положения. В критических для себя условиях он не раз откладывал в сторону меч, чтобы словом вразумить своих строптивых подданных.